Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 193–201
Lomonosov Philology Journal, 2026, no. 5, pp. 193–201

«ФЛАГ НА ЗАРЕ» РОБЕРТА СТОУНА И КОНТЕКСТЫ ЛИРИКИ ЭМИЛИ ДИКИНСОН: ПОЭТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Н.В. Киреева

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия; stonerk@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния поэзии Эмили Дикинсон на роман Роберта Стоуна «Флаг на заре» (1981), признанный одним из самых значительных политических романов своего времени, сочетающих социальную проблематику с экзистенциальной глубиной. В отличие от многочисленных работ о влиянии «затворницы из Амхерста» на поэтов XX века, обращение к прозе Стоуна остается малоизученным, хотя цитата из Дикинсон в заглавии романа задает философский и лирический регистр повествования. Центральным объектом исследования выступают ключевые мотивы Дикинсон: жертвенность, сомнение как неотъемлемая часть веры, добровольная изоляция, внутренняя независимость и служение ближнему. Эти мотивы органично воплощены в духовной эволюции монахини Джастин Финни на фоне революции в вымышленном Текане. Стоун вписывает сомнения героини в контекст политического насилия, заставляя искать ответы на вопросы веры в ситуации нравственного выбора. В статье проанализирована трансформация метафор («флаг», «заря», «порог», «душа») в прозаическом образном ряде Стоуна и рассмотрено, каким образом интонации поэтессы — напряженное ожидание, экзистенциальная тревога, единство веры и неверия — преломляются в романном повествовании. Особое внимание уделяется финальной сцене, где героиня цитирует Дикинсон, а также семантике «флага на заре» как символа духовного выбора и перехода. Исследование доказывает, что Стоун не сводит диалог с Дикинсон к цитате, но выстраивает внутреннюю логику романа на основе образно-мотивной системы поэтессы и адаптирует ее темы к травматическому опыту новейшей истории.

***Ключевые слова*:** Роберт Стоун; Эмили Дикинсон; «Флаг на заре»; интертекстуальность; поэтические метафоры; жертвенность; сомнение; вера; изоляция; духовная драма

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-17

Для цитирования: *Киреева Н.В.* «Флаг на заре» Роберта Стоуна и контексты лирики Эмили Дикинсон: поэтические мотивы в прозаическом тексте // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 193–201.

© Киреева Н.В., 2026

ROBERT STONE'S *A FLAG FOR SUNRISE* AND THE CONTEXTS OF EMILY DICKINSON'S POETRY: POETIC MOTIFS IN PROSE

Nataliia V. Kireeva

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia; stonerk@mail.ru

Abstract: The article examines the influence of Emily Dickinson's poetry on Robert Stone's novel *A Flag for Sunrise* (1981), which is regarded as one of the most significant political novels of its time, combining social concerns with existential depth. Unlike numerous studies on Dickinson's impact on twentieth-century poets, her reception in Stone's prose remains underexplored, even though a quotation from Dickinson in the novel's title sets a philosophical and lyrical tone. The central focus is on Dickinson's key motifs — self-sacrifice, doubt as an integral part of faith, voluntary isolation, inner independence, and service to others. These motifs are organically embodied in the spiritual evolution of Sister Justin Finney, Stone's heroine, against the backdrop of revolution in Tecan — the fictional Central American country. Stone frames the heroine's doubts within the context of political violence, compelling her to seek answers to questions of faith in a situation of moral choice. The article analyses the transformation of metaphors ('flag', 'dawn', 'threshold', 'soul') into Stone's prose imagery and examines how the poet's intonations — tense expectation, existential anxiety, and the unity of belief and unbelief — are refracted in the novel's narrative. Special attention is paid to the final scene, where the heroine quotes Dickinson, and to the semantics of the 'flag at dawn' as a symbol of spiritual choice and transition. The study demonstrates that Stone does not reduce his dialogue with Dickinson to mere citation but constructs the novel's internal logic on the basis of the poet's figurative-motivic system, adapting her themes of faith, solitude, and sacrifice to the traumatic experience of recent history.

Keywords: Robert Stone; Emily Dickinson; *A Flag for Sunrise*; intertextuality; poetic metaphors; self-sacrifice; doubt; faith; isolation; spiritual drama

For citation: Kireeva N.V. (2026) Robert Stone's *A Flag for Sunrise* and the Contexts of Emily Dickinson's Poetry: Poetic Motifs in Prose. *Lomonosov Philology Journal,* no. 5, pp. 193–201.

Одним из устойчивых направлений в современном дикинсоноведении является исследование влияния творчества Эмили Дикинсон (1830–1886) на последующую литературную традицию. Среди работ, посвященных данной проблеме, заметнее всего те, что рассматривают восприятие поэтессы в творчестве американских поэтов XX века. Так, Марианн Мур, Элизабет Бишоп и Сильвия Плат в разной степени соотносили собственный поэтический опыт с наследием «затворницы из Амхерста» [Habegger 2001: 746–748; Vendler 2010: 112–115; Pollak 2016: 203–210]. То же можно сказать и о ряде поэтов,

ближайших к нам во времени, таких как Джори Грэм, Чарльз Райт и Сьюзен Хау [Gardner 2006: 57–63]. Значительно реже изучается влияние поэтессы на художественную прозу второй половины XX — начала XXI века.

Тем заметнее прямая интертекстуальная связь с Дикинсон, обнаруживаемая в творчестве американского романиста Роберта Стоуна (1937–2015) — одного из значительных прозаиков последней трети XX века, принадлежащего к поколению Дж. Апдайка, Дж. Гарднера, Т. Моррисон и Т. Пинчона. Пятикратный номинант и обладатель Национальной книжной премии за роман «Псы войны» (1974), который журнал *Time* включил в список 100 лучших англоязычных романов, Стоун известен «культурной изощренностью» прозы, буквально сотканной из аллюзий. И тем интереснее, что в романе «Флаг на заре» (*A Flag for Sunrise*, 1981) он обращается не к прозаическим текстам, а к поэзии Дикинсон: автор выносит строку из ее стихотворения в заглавие [Киреева 2002: 102], а в кульминационной сцене главная героиня, монахиня Джастин Финни, воспроизводит строки Дикинсон [Стоун 1986, 2: 164]. Эта аллюзия не ограничивается лишь символическим жестом: ключевым звеном, связывающим роман Стоуна с поэтической традицией Дикинсон, выступает обращение к экзистенциальной проблематике, глубоко укорененной в ее лирике. В настоящей статье предпринимается попытка проследить конкретные мотивы, которые переходят из поэзии Дикинсон в прозу Стоуна, становясь структурообразующими элементами образа главной героини.

Экзистенциальная проблематика, созвучная ключевым мотивам поэзии Дикинсон, занимает в романе «Флаг на заре» центральное место. Стоун помещает своих героев в экстремальные условия революционных потрясений, чтобы выявить их глубинные духовные искания. Как отмечает Б. Харрисон, писатель исследует экзистенциальный страх — «страх смерти, страх пустоты внутри, страх бессмысленности жизни, страх несостоятельности в обезбоженной вселенной», прячущийся под политическими лозунгами и подталкивающий героев к насилию [Harrison 2011: 15]. Все основные персонажи романа — антрополог-интеллектуал, монахиня, священник, наемник — становятся искателями веры. Исследователи отмечают, что «Флаг на заре» является «одним из самых значимых политических романов своего периода» и одновременно романом глубоко религиозным: все главные герои — это своего рода паломники, ищущие смысл [Киреева 2002; Harrison 2011; Breinig 2016]. Каждый пытается заполнить внутреннюю пустоту: сестра Джастин стремится к жертвенной вере, ученый Френк Холливел цинично отказывается от «иллюзий», священник отец Эган не теряет надежды найти

«осколок света» во тьме, а психопат-контрабандист Пабло Табор пускается в путь саморазрушения. Отсылки к поэзии Дикинсон оправданы тем, что она во многом сосредоточена на внутреннем духовном опыте, на сомнениях и надеждах души, находящейся на пороге между земным и трансцендентным. Характерна метафора порога или двери: положение «у двери» чрезвычайно типично для лирической героини Дикинсон, символизируя границу между внутренним миром и внешней реальностью, одновременно преграду и приглашение переступить ее [Венедиктова 2007: 405]. В одном стихотворении странница заглядывает в чужой дом через распахнутую дверь и с болью ощущает свое изгнание; в другом — замирает перед закрытой дверью прошлого, страшась открыть ее. Сама поэтесса писала, что «Душа должна открытой быть — /На случай, если Бог /Заглянет — чтобы Он войти, /Когда захочет, мог» [Дикинсон 2007: 81], хотя душа не уверена, желает ли она прихода Бога. Эта деталь отражает двойственность религиозного чувства Дикинсон — одновременное стремление к божественному присутствию и страх перед ним. Таким образом, и Стоун, и Дикинсон размещают душу на пороге веры, разве что герои Стоуна ищут Бога в гуще истории, а дикинсоновская душа — в домашнем уединении.

На этом фоне особенно значим образ сестры Джастин Фини — героини Стоуна, в чьей судьбе явственно проступают мотивы, характерные для поэзии Дикинсон. Прямая интертекстуальная связь очевидна: заглавие *A Flag for Sunrise* взято из строки стихотворения Дикинсон "A Wife — at Daybreak I shall be". В кульминации романа сестра Джастин вслух произносит строки Дикинсон: *"A Wife — at Daybreak I shall be — /Sunrise — hast thou a flag for me?"* [Dickinson 1961: 110], хотя в тексте романа источник цитаты не указан[1]. Этот поэтический образ «флага на заре» становится символическим ключом к внутреннему миру Джастин и задает тон интерпретации ее духовного пути. Лирическая героиня Дикинсон на пороге судьбоносного утра обращает вопрос к восходящему солнцу: «Есть ли у тебя флаг для меня?», предчувствуя переход в новое состояние — состояние невесты, вступающей в новый жизненный союз. Сестра Джастин — монахиня, «невеста Христова» — тоже стоит на пороге решающего выбора, переживая кризис веры и пытаясь понять, чему посвятить свою жизнь. В кульминационный момент, перед лицом гибели, Джастин вновь обращается к метафоре невесты и флага, цитируя строки Дикинсон, желая выразить свое стремление к высшей цели. Утренняя заря с «флагом» становится символом духов-

[1] «Коль стану твоей на рассвете женой — // Поднимешь ли флаг вместе с алой зарей?» [Стоун 1986, 2: 164]

ного возрождения, обретения высшего смысла — подобно тому, как в христианской символике заря воскресения несет надежду.

Одно из ключевых экзистенциальных испытаний, роднящих сестру Джастин с лирической героиней Дикинсон, — драматический внутренний конфликт веры. Вера «затворницы из Амхерста» не была простой или ортодоксально цельной: она «расколота сомнением и разве что сознательным, героическим усилием воли восстанавливаема, "сшиваема", как разорванная ткань» [Венедиктова 2007: 402]. В одном из поздних писем поэтесса даже дала парадоксальное определение: «Вера — это Сомнение» (цит. по: [Венедиктова 2007: 402]). У сестры Джастин мы наблюдаем сходное «расколотое» состояние духа: ее религиозная вера ослабевает под гнетом жестокости окружающего мира и собственных сомнений. Героиня фактически «теряет веру» и, оказавшись на грани отчаяния, ищет новый объект самоотверженного служения — в итоге направляя свой религиозный пыл в русло революционной борьбы. Однако, подобно Дикинсон, Джастин не утрачивает самой потребности верить — ее душой попрежнему движет «огромная потребность в вере и Истине», которая «сочетается <…> с непреклонной решимостью испытывать основания веры» [Венедиктова 2007: 402]. В финале, перед лицом смерти, сестра Джастин обретает духовное оправдание: ее последние слова — библейское смиренное признание «се, Раба Господня», которое Дева Мария произнесла при Благовещении [Лк 1:38]. Этот финал можно трактовать как восстановление утраченной веры героини: приняв мученическую смерть во имя высшей воли, Джастин словно возвращает себе целостность духа.

Мотив страдания как пути к истине глубоко роднит сестру Джастин с лирической героиней Дикинсон, называвшей себя «Императрицей Голгофы» [Дикинсон 2007: 82]. По наблюдению Т.Д. Венедиктовой, дикинсоновская героиня «сочувственно опознает крестную муку в каждом человеческом существовании», находя через сопереживание чужой боли связь с каждым страдальцем [Венедиктова 2007: 401]. Сестре Джастин также присущи глубокое сострадание и жажда искупительной жертвы. Она добровольно живет среди беднейших и больных, служа в миссии на окраине мира и разделяя земные страдания обездоленных. Финальная сцена пытки и гибели сестры Джастин предстает как ее собственная Голгофа. Это превращает героиню Стоуна в зеркальное отражение дикинсоновской героини: в момент мученической смерти она достигает той духовной высоты, на которой превозмогаемая боль становится свидетельством истины и верности избранному пути.

Еще одна параллель между лирической героиней Дикинсон и сестрой Джастин проявляется в выборе одиночества и внутренней

независимости. Дикинсон сознательно избрала уединенную жизнь, превратив свой дом и свой внутренний мир одновременно в крепость и в тюрьму. Сестра Джастин, хотя и действует во внешнем, «реальном» мире, во многом тоже изолирована — и морально, и физически — от привычной социальной жизни. Она словно «не от мира сего»: молодая американка, отказавшаяся от благополучия ради монашеского служения и уехавшая в далекую страну. Это сближает ее с Дикинсон, прозванной современниками «затворницей из Амхерста», — в обоих случаях добровольное затворничество осмысляется как признак избранности и условие внутренней свободы. В обоих же случаях состояние это исполнено противоречивости.

В знаменитом стихотворении "The Soul selects her own Society" Душа — лирический персонаж поэзии Дикинсон — как бы утверждает право личности самой определять свое окружение и судьбу. Сестра Джастин во многом следует этому идеалу независимости: она достаточно смела, чтобы игнорировать указания церковного начальства и поступать по велению собственной совести. Так, наперекор приказу покинуть миссию она остается лечить больных и даже вступает в контакт с повстанцами, полагая своим нравственным долгом помочь угнетенному народу. В ее непослушании слышится отзвук дикинсоновского духа несогласия. Но затворничество у Дикинсон имеет и темную сторону: поэтесса осознавала опасность полного самоотрешения от мира. Ее добровольное одиночество могло обернуться трагическим самозаключением. В финале стихотворения о Душе и Обществе появляется намек на то, что душа, закрывшись, рискует окаменеть в изоляции: затворничество Души можно воспринимать и как «гордую непреклонность», и как заточение в могилу или «каменный мешок» [Венедиктова 1994: 86–87]. Тот же парадокс акцентируется Стоуном и в судьбе Джастин. Ее одиночество в миссионерской глуши — источник духовной силы, независимости от «мира сего», но одновременно причина ее уязвимости. Отвергнув поддержку институций (и церковных, и светских), полагаясь лишь на себя и Бога, Джастин оказывается беззащитной перед лицом большой Истории. Ее индивидуализм оборачивается тем, что спастись она может только самостоятельно — и в итоге ей не удается спастись вовсе. Как и домашнее уединение Дикинсон, миссия в Текане становится для Джастин одновременно убежищем и тюрьмой. В одном из стихотворений лирическая героиня Дикинсон признается: «Услышу слово я "побег" — /И закипает кровь» [Дикинсон 2007: 14]. В судьбе Джастин эта жажда вырваться из «ловушки» тоже присутствует, но реализовать ее не удается: стремясь освободить других (от тирании, от боли), она сама не может спастись из ловушки, расставленной ей обстоятельствами. Дверь захлопы-

вается — в финале Джастин гибнет, так и не выбравшись из порочного круга революционной авантюры и церковных интриг. Тем самым образ Джастин по-новому оттеняет дикинсоновскую двусмысленность уединения: одиночество выступает одновременно знаком духовной избранности и трагической оторванности от жизни.

Наконец, сестра Джастин и лирическая героиня Дикинсон глубоко сходны в своем стремлении к служению, которое приносит благо другим. Дикинсон, несмотря на уединенный образ жизни, воспринимала свое поэтическое творчество как своеобразную миссию милосердия. Она говорила о поэзии как о «послании миру», обращенном к невидимому адресату: «Я Миру шлю мое письмо <…> Кому вручат, не знаю я, /Послание мое» [Дикинсон 2007: 48]. Это послание несет другому человеку «дар вдохновения, утешения или даже спасения» и предполагает «ответный дар понимания с его (адресата) стороны» [Венедиктова 2007: 410]. Лирическая героиня Дикинсон видит смысл своего тихого подвига в помощи ближнему — пусть даже эта помощь выражается лишь в строках стихотворения. Сестра Джастин — медсестра и монахиня, отдающая свои силы лечению телесных и душевных ран. В ее жизни прослеживается тот же принцип «не напрасно прожить»: жертвуя собой, она стремится спасти другие жизни. Более того, ощущение, что простой монашеской службы недостаточно для подлинного спасения страждущих, побуждает ее расширить рамки милосердия до участия в борьбе за социальную справедливость. Из сострадания к народу Текана Джастин примыкает к повстанцам, надеясь защитить угнетенных. Идеализм Джастин противопоставляется в романе Стоуна беспощадности истории. В финале героиню ждет жестокое разочарование: революционеры фактически приносят и саму Джастин, и доверившихся ей крестьян в жертву как отвлекающий маневр. Ее гибель не предотвращает насилия, напротив, становится частью новой волны бессмысленной жестокости. И все же образ Джастин сохраняет трагическое достоинство: она остается верной альтруистическому идеалу, даже неосуществимому. В этом духовном порыве чувствуется родство с Дикинсон, чье молчаливое служение слову становится актом сострадания и внутренней жертвенности. Не случайно другой герой романа, профессор Холливелл, мысленно сравнивает свою судьбу с судьбой Джастин: «У нее своя заря, — думает Холливел, — а у меня своя» [Стоун 1986, 2: 200]. Заря Джастин — это миг ее перехода в иной план бытия, где ее миссия только и может быть доведена до конца. Ее флаг — не земной флаг революции, а духовный флаг победы милосердия над бессмысленной жестокостью.

Таким образом, творческая перекличка между романом «Флаг на заре» Роберта Стоуна и поэзией Эмили Дикинсон проявляется

на нескольких уровнях: на текстовом (цитата из стихотворения в заглавии, строки Дикинсон в речи героини), на мотивно-образном (невеста Христова, знамя рассвета, мученичество, «рана сомнения» веры, поиски истины, добровольная изоляция, служение ближнему), а также философском и эмоциональном. Сестра Джастин в интерпретации Роберта Стоуна выступает как духовная наследница дикинсоновской лирической героини, — дает ей новое воплощение в травматическом контексте конца XX века. Сознательный диалог писателя с творчеством Дикинсон выходит за рамки интертекстуальной игры: он становится художественным приемом, структурирующим роман как духовную драму. В судьбе главной героини романа Стоуна обретает новую жизнь тот самый «Флаг на заре» — символ верности внутренней истине, надежды и совести, поднятый поэтессой в лирике и поддержанный, переосмысленный писателем в прозе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Венедиктова Т.Д.* Обретение голоса: Американская национальная поэтическая традиция. М., 1994.
2. *Венедиктова Т.Д.* Тематический лексикон поэзии Эмили Дикинсон // Дикинсон Э. Стихотворения. Письма. М., 2007. С. 398-420.
3. *Дикинсон Э.* Стихотворения. Письма. М., 2007.
4. *Киреева Н.В.* Поэтика романов Роберта Стоуна. Благовещенск, 2002.
5. *Стоун Р.* Флаг на заре /Пер. К. Чугунова // Иностранная литература. 1986. №№ 1-2.
6. *Breinig H.* Hemispheric Imaginations: North American Fictions of Latin America. Hanover, 2016.
7. *Dickinson E.* Final harvest: Emily Dickinson's poems. Boston, Toronto, 1961.
8. *Gardner Th.* A Door Ajar: Contemporary Writers and Emily Dickinson. New York, 2006.
9. *Habegger A.* My Wars Are Laid Away in Books: The Life of Emily Dickinson. New York, 2001.
10. *Harrison B.* "For a while they felt better": Negation in A Flag for Sunrise // European Journal of American Studies, 6(1), 2011. P. 1–15.
11. *Pollak V.R.* Our Emily Dickinsons: American Women Poets and the Intimacies of Difference. University of Pennsylvania Press, 2016.
12. *Stone R.* A Flag for Sunrise. New York, 1981.
13. *Vendler H.* Dickinson: Selected Poems and Commentaries. Cambridge (Mass.), 2010.
14. *Woods W.C.* "Robert Stone, The Art of Fiction No. 90": Interview // Paris Review 98 (Winter 1985): 1–19.

REFERENCES

1. Venediktova T.D. *Obretenie golosa: Amerikanskaya natsional'naya poeticheskaya traditsiya* [Finding a Voice: American National Poetic Tradition]. Moscow, *NTTs "Konservatoriya"*, 1994. 152 p. (In Russ.)
2. Venediktova T.D. *Tematicheskii leksikon poezii Emili Dikinson* [Thematic Lexicon of Emily Dickinson's Poetry]. In: Dikinson E. Stikhotvoreniya. Pis'ma [Poems. Letters]. Moscow, *Nauka,* 2007, pp. 398–420. (In Russ.)

3. Dickinson E. *Stikhotvoreniya. Pis'ma* [Poems. Letters]. Moscow, *Nauka,* 2007. 550 p. (In Russ.)
4. Kireeva N.V. *Poetika romanov Roberta Stouna* [The Poetics of Robert Stone's Novels]. Blagoveshchensk, 2002. 192 p. (In Russ.)
5. Stone R. *Flag na zare* [A Flag for Sunrise]. Transl. by K. Chugunov. *Inostrannaya literatura*, 1986, № 1–2. (In Russ.)
6. Breinig H. *Hemispheric Imaginations: North American Fictions of Latin America*. Hanover, 2016. 390 p.
7. Dickinson E. *Final Harvest: Emily Dickinson's Poems*. Boston; Toronto, 1961. 332 p.
8. Gardner Th. *A Door Ajar: Contemporary Writers And Emily Dickinson*. New York, Oxford UP, 2006. 262 p.
9. Habegger A. *My Wars Are Laid Away in Books: The Life of Emily Dickinson*. New York, 2001. 764 p.
10. Harrison B. "For a while they felt better": Negation in A Flag for Sunrise. *European Journal of American Studies,* 2011, vol. 6, no. 1, pp. 1–15.
11. Pollak V.R. *Our Emily Dickinsons: American Women Poets and the Intimacies of Difference*. Philadelphia, *University of Pennsylvania Press*, 2016. 368 p.
12. Stone R. *A Flag for Sunrise*. New York, *Alfred A. Knopf*, 1981. 439 p.
13. Vendler H. *Dickinson: Selected Poems and Commentaries*. Cambridge, MA, 2010. XIV, 535 p.
14. Woods W.C. *"Robert Stone, The Art of Fiction No.* 90": Interview. Paris Review, 1985, № 98, pp. 1–19.

Поступила в редакцию 15.01.2026
Принята к публикации 16.06.2026
Отредактирована 01.08.2026

Received 15.01.2026
Accepted 16.06.2026
Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Наталия Владимировна Киреева — д.ф.н., доцент, проректор по научной работе, профессор кафедры русского языка и литературы, Благовещенский государственный педагогический университет; stonerk@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Kireeva — Prof. Dr., Vice-Rector for Research, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University; stonerk@mail.ru